

ношения в организмах, представляют собой нередуцируемые характеристики живого, коренящиеся в фундаментальном факте целенаправленности органических процессов. Высший уровень системной организованности упорядочивает низшие и контролирует их. В качестве подтверждения правомерности такой исследовательской программы служит, несомненно, то, что сторонникам противоположного взгляда не удается реализовать редукцию не только в полном объеме, но и в наиболее важных моментах. Является ли это чисто временным затруднением или биологическая реальность есть не только и не просто феноменология физико-химии? Аналогия с семантическим значением («Определенное сообщение может быть передано различными наборами знаков, но знаки, взятые сами по себе, не могут быть поняты в качестве сообщения, они не могут быть отличены от простого шума»⁶) может показать, что подобно тому, как компоненты сообщения объяснимы их ролью в сообщении (но не наоборот), так и целенаправленность, хотя она сама физически обусловлена, выступает как необходимый элемент эксплананса объяснения органических процессов.

Конфронтация редукционизма и антиредукционизма в современной биологии имеет свои истоки. Кантовский поиск философских оснований познания живой природы дал ценные идеи, развитие которых привело к осознанию ряда принципиальных положений. Биологическое познание — и это можно считать общим гносеологическим основанием различных методологических направлений в познании живой природы — отвечает общенаучной модели объяснения через охватывающие законы. Экзистенциальные предпосылки системного подхода и редукционизма получают свое обоснование в плодотворности этих основных стратегий биологического исследования.

¹ Майр Э. Причина и следствие в биологии. — В кн.: На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 48.

² Рьюз М. Философия биологии. М., 1977, с. 125.

³ Борзенков В. Г. Принцип детерминизма и современная биология. М., 1980, с. 78.

⁴ Майр Э. Указ. соч., с. 52.

⁵ Schaffner K. F. Theories and Explanations in Biology. — «Journal of the History of Biology», 1969, Vol. 2, N 1, p. 26.

⁶ Greene T. The Understanding of Nature. Essays in the Philosophy of Biology. Dordrecht—Boston, 1974, p. 178.

И. Д. КОПЦЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» И. КАНТА

Размах, который приняло кантоведение в Советском Союзе в последнее время, заставляет сделать вывод о том, что полнота охвата проблематики изучения философского наследия Канта

требует также исследования и формы его произведений, языка (стиля) великого немецкого философа. Как справедливо отмечает Т. И. Сильман, «для изучения связи мировоззрения писателя с его стилем чрезвычайное значение всегда будет иметь структура его фразы, его синтаксис, так же как и характер связей между самостоятельными предложениями и вырастающая на этой базе проблема структуры абзаца... Именно через структуру предложения, его объем, способ его распространения и членения, а также характер и способ сочетания предложений друг с другом, через своеобразие переходов от одного предложения к другому, от одного абзаца к другому, осуществляется единое движение мысли писателя, находит свое выражение при-сущей именно ему характер этого движения»¹.

Что касается Канта, то известны многочисленные упреки в его адрес за трудности, связанные с языком его произведений. Так, Генрих Гейне, отмечая замедленную реакцию философской общественности на появление «Критики чистого разума», объяснял это необычной формой и плохим стилем Канта². Между тем специальные сопоставления стиля Канта с другими писателями его эпохи лишают это мнение оснований. Так, Эрнст Фишер отмечает, в частности, следующее: «Если мы хотим выяснить, имеем ли дело со своеобразием стиля Канта, мы должны сравнить способ его выражения с языком его современников или близко стоящих к нему по времени писателей... При этом, предвосхищая с самого начала конечный результат, найдем, что Кант в языковом отношении не выделяется ни с плохой, ни с хорошей стороны, что он без особых отклонений пользовался языком своей эпохи»³. Количественные данные, приводимые В. Г. Адмони, показывают также, что относительно объема группы существительного и удельного веса гипотаксиса проза Канта не отличается от прозы Лессинга, Гете и других писателей⁴.

Общепризнанная сложность языка Канта объясняется в первую очередь необычайно сложным предметом изложения и новизной его трактовки. Образную, но точную характеристику стиля Канта дает тот же Генрих Гейне, сравнивая стиль Канта со стилем Фихте: «Кант как бы располагает мысль перед собой, рассекает и расчленяет ее вплоть до тончайших нитей, а его «Критика чистого разума» представляет собой нечто вроде анатомической лаборатории духа. Сам же он остается при этом хладнокровным и безучастным, как настоящий хирург»⁵. «Грациозная точность» стиля Канта (*anmutige Genauigkeit im Stil*) отмечается в проспекте к новому изданию «Критики чистого разума»⁶.

Сам Кант в предисловии к первому изданию «Критики...» отмечал, что при написании книги для него была важна в первую очередь дискурсивная (логическая) ясность, а затем уже, как он выражается, интуитивная ясность с помощью примеров и пояснений⁷. Интересно отметить, что в рецензии на книгу

И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» Кант критикует последнего за выпренность стиля, неуместную, по его мнению, при изложении философского труда⁸. Следовательно, для Канта вопрос соответствия формы (стиля) философского труда его содержанию имел принципиальный характер. Хорошим стилем, по Канту, является такой стиль, который делает мысль прозрачной, т. е. выражает ее ясно, четко и последовательно. Если всякого рода тропы хороши для художественного произведения, то в философском труде они неуместны, ибо затемняют мысль. Таков смысл критики Кантом стиля Гердера.

Понятие «стиль» — довольно емкое понятие. Для научного труда, как справедливо отмечает Ю. С. Степанов, это отнюдь не только «почерк», т. е. нечто индивидуальное, не касающееся других пишущих; стиль — это еще и методика. «Если есть метод, то должна быть и методика, приемы реализации этого метода. Методика есть стиль»⁹. Кант методичен как, пожалуй, ни один философ. «Критика чистого разума» — произведение, в котором, по мнению Т. Балентинера, все детали содержания продуманы до мелочей с необыкновенной внутренней ясностью и мастерством¹⁰. А если это так, то это должно найти свое отражение и в принципах построения и организации текста «Критики...». Настоящая статья представляет собой как раз попытку затронуть с позиций лингвистики текста некоторые вопросы построения текста в «Критике чистого разума» Иммануила Канта.

Основным принципом, движущим мысль Канта в «Критике чистого разума», является принцип *антиномичности*. Последний состоит в том, что как тот или иной тезис, так и его антитезис оказываются логически одинаково доказуемыми и имеют равное право на существование. Антиномичность мышления Канта отмечается, например, Б. С. Чернышевым в его лекциях по истории философии¹¹. В тексте этот принцип выражается в том, что рассуждение начинается обычно с какого-либо тезиса, за которым следует его обоснование. Этому тезису затем противопоставляется другой, противоположный (полностью или отчасти) первому, который также, как правило, получает свое обоснование. Затем происходит синтез обоих тезисов (окончательный или промежуточный). Рассмотрим следующий пример:

(1) «Опыт, несомненно, есть первый продукт, производимый нашим рассудком, когда он обрабатывает грубый материал чувственных ощущений. Тем самым опыт есть первое наставление, и в своем развитии он столь неисчерпаемо богат новыми уроками, что непрерывный ряд всех будущих поколений никогда не будет иметь недостатка в новых знаниях, которые могут быть добыты на почве опыта. Однако опыт отнюдь не единственное поприще, которым ограничивается наш рассудок. Опыт показывает нам, что существует, но он не говорит нам, что оно необходимо должно существовать так, а не иначе. Именно поэтому он не дает нам истинной всеобщности, и разум, жадно стре-

мящийся к такого рода знанию, скорее возбуждается, чем удовлетворяется опытом. Такие общие знания, которые имеют также характер внутренней необходимости, должны быть независимыми от опыта, сами по себе ясными и достоверными. Поэтому их называют априорными знаниями, между тем как то, что заимствовано исключительно из опыта, познается, как принято говорить, только *a posteriori*, или эмпирически» (3, 766).

Данный абзац состоит из трех сверхфразовых единств (в дальнейшем СФЕ), каждое из которых посвящено одной микротеме, представленной в данном случае вводящими тезисами. Первый тезис гласит о том, что опыт — это первая сфера, с которой имеет дело наш разум (до «Однако опыт...»). Второй тезис, противопоставленный первому, указывает на то, что опыт не единственная сфера деятельности разума, что он не дает познанию истинной всеобщности и необходимости (до «Такие общие знания...»). Третье СФЕ содержит обобщение, вывод из того, о чем говорилось в первых двух. Одним из доказательств того, что членение данного абзаца на СФЕ именно таково, является тот факт, что во втором издании книги Кант не только несколько расширяет и редактирует этот раздел, но и разбивает его на три абзаца, соответственно указанным выше СФЕ. Благодаря этому антиномичный характер тезисов получает более подчеркнутое выражение. Каждое СФЕ, совпадая теперь с абзацем, приобретает также и композиционную характеристику, свойственную абзацу: трехчастная структура абзаца в первой редакции (тезис—антитезис—синтез) продолжает сохраняться в целом и во второй редакции (тезис—обоснование тезиса—вывод). Приводим это место во второй редакции (в сокращении):

(2) «Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта; в самом деле,... Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту, оно всегда начинается с опыта.

Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что...

Поэтому возникает по крайней мере вопрос,... Такие знания называются априорными; их отличают от эмпирических знаний, которые имеют апостериорный источник, а именно в опыте» (3, 105—106).

В связи с приведенными примерами возникает вопрос о синтаксической единице текста «Критики...» Одна и та же это единица (в 1-м и во 2-м примерах) или разные? Мнения лингвистов по вопросу единицы текста расходятся. Так, Л. Фридман полагает, что единицей текста следует считать абзац, который он определяет как «речевой комплекс, характеризующийся единством содержания и определенной интонацией и который обычно состоит из ряда самостоятельных предложений, связанных друг с другом эксплицитными и имплицитными языковыми средст-

вами»¹³. Термин «абзац» здесь следует признать не совсем удачным, так как с ним ассоциируется текст письменный. Слово «комплекс» содержит логический подтекст о том, что текст не может состоять из одного предложения, что не может быть принято. И, наконец, говорить о самостоятельности связанных друг с другом предложений вряд ли всегда корректно.

Другое определение абзаца дает Т. И. Сильман: «Абзац в его классической, «нормальной» форме есть некое синтаксисо-интонационное единство, состоящее из одного или нескольких предложений, соединенных между собой синтаксическими (союзно-наречными) связями, пронизанных («прошитых») лексико-местоименными повторами и объединенных единой общей темой (предметом изложения)»¹⁴. Это определение также не учитывает того, что абзац — это все же категория речи письменной в ее композиционно-стилистическом аспекте. Применительно к устной речи он, как говорят, «не работает». Поэтому правы те лингвисты, которые рассматривают СФЕ как синтаксическую единицу, свойственную как устной, так и письменной речи. В частности, О. И. Москальская определяет СФЕ как «специальным образом организованную закрытую цепочку предложений, представляющую собой единое высказывание»¹⁵. Трудность, однако, в том, что предложение как потенциальный минимум текста может образовывать текст, но не СФЕ в его данном выше определении.

Наблюдения над текстом «Критики...» подводят к мысли о том, что он состоит у Канта как бы из двух материй: материи тезисной и материи, обслуживающей в том или ином отношении тезисную. Первой соответствует такая форма речи, как полагание, т. е. выдвижение того или иного тезиса, второй — такие, как комментирование, пояснение, обоснование, доказательство, применение и т. д. Рассмотрим следующий пример:

(3) «Объект, с которым я вообще связываю явление, есть трансцендентальный предмет, т. е. совершенно неопределенная мысль о чем-то вообще. Этот предмет не может называться ноуменом, так как я не знаю ничего о том, что он есть сам по себе и не имею о нем никакого понятия, кроме понятия о предмете чувственного созерцания вообще, стало быть одинаковым для всех явлений. Я не могу мыслить его посредством какой бы то ни было категории, так как категории применимы только к эмпирическому созерцанию и служат для того, чтобы подводить его под понятие о предмете вообще. Чистое применение категорий, правда, возможно, т. е. не включает в себе противоречий, однако оно не имеет никакой объективной значимости, потому что не направлено ни на какое созерцание, которое должно было бы этим приобрести единство объекта. В самом деле, категория есть ведь только функция мышления, посредством которой мне не дается никакой предмет, а только мыслится то, что может быть дано в созерцании» (3, 722).

Приведенное СФЕ имеет как бы двухъярусную структуру: тезисную и линейную. Между тезисами, рассредоточенными в тексте, существует также отношение семантического следования и формально-синтаксическая связь, а именно:

1) Объект, с которым соотносится явление вообще, есть трансцендентальный предмет, т. е. ...

2) Этот предмет не может называться ноуменом, так как...

3) Я не могу мыслить его посредством какой бы то ни было категории, так как...

4) Чистое применение категории, правда, возможно... однако оно не имеет никакой объективной значимости, потому что...

Функция остальной материи текста состоит в обосновании данных тезисов. Единство тезисов обеспечивается тождеством референции (предмет $\rightarrow$ этот предмет $\rightarrow$ его и т. д.), а коммуникативная целостность выражается в коммуникативной преемственности между составляющими тема-рематической цепочки. Схема этого СФЕ имеет вид:

1. $T_1 \rightarrow P_1$.

2. $T_2 (=P_1) \rightarrow P_2$.

3. $T_2 \rightarrow P_3$.

4. $T_3 (=P_3) \rightarrow P_4$ ¹⁶.

Связь между первым и вторым, третьим и четвертым тезисами происходит по принципу тематизации ремы, а связь между вторым и третьим — по принципу сквозной темы.

Таким образом, наряду с линейной (поверхностной) тема-рематической цепочкой ($T \rightarrow P_1$; $T_2 \rightarrow P_2$; $T_3 \rightarrow P_3$ и т. д.) параллельно с ней на более высоком уровне идет тезисная ($T_1 \rightarrow P_1$; $T_2 \rightarrow P_2$ и т. д.). Подобное двухуровневое развертывание текста очень характерно для «Критики...»

Тезисное СФЕ можно было бы назвать также «ядерным», так как оно цементирует линейное СФЕ и лежит в основе его развертывания.

Критерий тезисной когерентности подводит к вычленению текстовой единицы, большей, чем СФЕ, а именно, к сверхфразовому комплексу (в дальнейшем сокращенно СФК). Эта единица представляет собой ряд, последовательность СФЕ (или абзацев), объединенных одной общей темой рассуждения. Эта единица возникает в научном тексте, когда какое-либо понятие подлежит всестороннему освещению. Каждое СФЕ обсуждает лишь одну какую-либо сторону исследуемого понятия; лишь в комплексе они дают более или менее полную его характеристику. В качестве примера СФК можно привести отрывок о пространстве. Первое СФЕ подводит к проблеме определения понятия «пространство», остальные четыре абзаца посвящены его всестороннему анализу. Связь между СФЕ обеспечивается нумерацией и принципом сквозной темы. Весь СФК занимает около трех страниц текста. Поэтому мы приводим только тезис-

ное (ядерное) СФЕ, которое нас здесь, собственно, и интересует:

(4) «1) Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле...

2) Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний. Нельзя...

3) Пространство есть не дискурсивное, или, как говорят, общее понятие об отношениях вещей вообще, а чистое созерцание. В самом деле...

4) Пространство представляется как бесконечная данная величина. Всякое понятие, правда...» (с. 3, 131).

Каждое СФЕ данного СФК посвящено одному тезису и его последующему обоснованию. Схема этого СФК следующая:

1) $T \rightarrow P_1$.

2) $T \rightarrow P_2$.

3) $T \rightarrow P_3$.

4) $T \rightarrow P_4$.

Подобная же тема-рематическая схема лежит и в основе СФК, посвященного определению понятия времени, а также выводам из понятий пространства и времени. Данное выше СФЕ (см. пример 2) следует считать также СФК, состоящим из трех СФЕ (абзацев).

Когерентность ядерного СФК может быть обеспечена также и по принципу сквозной тематизации предиката, т. е. через почти буквальный его повтор.

Пример такого СФК дает нам отрывок об априорном характере таких наук, по Канту, как математика, физика и метафизика. Весь отрывок занимает четыре страницы (приводится только ядерное СФЕ):

(5) «1) Все математические суждения синтетические...

2) Естествознание (физика) включает в себе априорные синтетические суждения как принципы...

3) Метафизика... Должна заключать в себе априорные синтетические знания: ...»

Единство этого СФК обеспечивается тождеством предиката, т. е. схема такова:

1. $T_1 - P_1$.

2. $T_2 \rightarrow P_1$.

3. $T_3 - P_1$.

Наблюдения над текстом показывают, что возможны и другие типы связи между тезисами ядерного СФЕ в пределах одного СФК.

Итак, основными единицами текста в «Критике чистого разума» следует считать СФЕ, совпадающее, как правило, с абзацем, и СФК, состоящий из двух, трех и более СФЕ. Следует различать также поверхностное (линейное) СФЕ и ядерное, или тезисное, СФЕ, лежащее в основе развертывания сверхфразового комплекса. В тексте Канта имеет место, следовательно, двой-

ное членение: членение на сверхфразовые единства и сверхфразовые комплексы, которые в свою очередь лежат в основе членения текста на параграфы, разделы, главы и т. д.

Указанное выше различие между двумя материями текста прослеживается и в плане характера информации, содержащейся в них. Такие формы речи как обоснование, доказательство, пояснение, напоминание, примечание и т. д., содержат, как правило, данную, известную так или иначе информацию. Известность эта может иметь форму чего-либо уже показанного, обоснованного, прокомментированного ранее, либо она может предполагаться как нечто всем известное, хорошо знакомое, очевидное. Первый вид известности находит выражение в различных конструкциях, обеспечивающих ретроспекцию и рекуррентность содержания. В этом отношении текст «Критики...» буквально пронизан этими синтаксическими средствами. Можно сказать, что текст Канта характеризуется большим удельным весом синтаксических средств с функцией ретроспекции¹⁷. Это объясняется спецификой жанра научной прозы, в которой нельзя идти вперед, не возвращаясь постоянно назад, не удерживая в памяти сказанное ранее.

Соотношение между информацией тезисных компонентов СФЕ, содержащих «новое», и остальными, несущими известную информацию, обуславливает и специфическое композиционное построение СФЕ. Первое место в нем занимает обычно тезис, «новое», т. е. то, что подлежит доказательству, обоснованию и т. д., за ним следует обоснование, доказательство, комментирование и т. д. Часто за обоснованием следует обобщение, вывод, итог.

Обосновывающая часть содержит данную, известную информацию. Сигналом перехода к ней служит очень часто союз *depp*. Функция этого союза у Канта весьма важна. Как отмечает Т. И. Сильман, *depp* означает не конкретную причину, а фундамент, самые общие истоки, самую общую основу явления и тем самым близок не русскому «потому что» или «так как», а более торжественному «ибо» или даже сопоставительно-уступительному «ведь» (вроде: «ведь известно», или: «между тем известно, что...»). И далее: «Важно далее подчеркнуть, что *depp* часто вводит причинное обоснование не как нечто новое и тождественное, а как уже издавна существующее и известное по сравнению с новыми фактами и обстоятельствами»¹⁸.

Ввиду большой частотности этого союза у Канта он нередко служит просто сигналом перехода к экспликации логических пресуппозиций, послуживших основанием для выдвижения того или иного положения. Наблюдения за соотношением таких форм речи в рамках общей формы рассуждения, как полагание, с одной стороны, и обоснование, доказательство и обобщение, с другой, позволяют выделить следующие варианты композиции СФЕ (абзаца) у Канта:

- а) тезис — обоснование тезиса — вывод,
- б) тезис — обоснование тезиса,
- в) тезис — обоснование — тезис — обоснование — (вывод),
- г) тезис — вывод — обоснование,
- д) тезис — вывод (без обоснования),
- е) целиком тезисное СФЕ.

В связи с анализом жанра философской прозы нельзя не остановиться и на таком понятии, как логическое единство и его отношения к СФЕ. Логическое единство определяется обычно как структурная единица мышления, представляющая собой тесное объединение нескольких суждений через развертывание субъекта или предиката предыдущего суждения¹⁹. Умозаключение рассматривается как частный случай логического единства. В тексте Канта СФЕ представляет собой обычно умозаключение. Это и понятно, ибо сам предмет изложения требует именно такой формы рассуждения. Тем не менее умозаключение у Канта, лежащее в основе СФЕ (абзаца), не содержит, как правило, всех необходимых формальных элементов логической структуры умозаключения. Оно содержит их лишь имплицитно, т. е. умозаключение у Канта энтимемично. В качестве примера рассмотрим СФЕ, в котором говорится о пространстве:

(6) «1. Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле, представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня (т. е. к чему-то в другом месте пространства, а не в том, где я нахожусь), а также для того, чтобы я мог представлять себе их как находящиеся вне и подле друг друга, стало быть, не только как различные, но и как находящиеся в различных местах. Представление о пространстве не может быть поэтому заимствовано из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря представлению о пространстве» (3, 130).

Формально-логическая структура этого СФЕ представляет собой пять блоков условно-категорического силлогизма, а именно:

1.

Если [ощущения ^p <чего-то> относимы к чему-то вне меня] $\wedge$ [я могу представлять их себе как находящиеся ^q в разных местах], то [представление пространства должно быть уже заранее дано <в мышлении>]. [Ощущения ^r <чего-то> относятся к чему-то ^p вне меня] $\wedge$ [я могу представлять их ^q

$$\frac{(p \wedge q) \rightarrow r}{p \wedge q} \quad r$$

2.

$$\frac{r \rightarrow s}{r} \quad s$$

3.

$$\frac{s \rightarrow \bar{t}}{s} \quad \bar{t}$$

4.

$$\frac{\bar{t} \rightarrow \bar{i}}{\bar{t}} \quad \bar{i}$$

5.

$$\frac{r \rightarrow \gamma}{r} \quad \gamma$$

себе как находящиеся в разных местах].

Следовательно [представление ^r пространства должно быть уже заранее дано (в мышлении)].

Если [представление пространства уже заранее дано ^s (в мышлении)], то [оно предшествует опыту].

[Представление пространства должно быть уже заранее дано в мышлении]. Следовательно [оно предшествует опыту].

Если [представление пространства предшествует опыту], то [оно не может быть заимствовано из опыта].

[Представление пространства предшествует опыту].

Следовательно, [оно не может быть заимствовано из опыта].

Если [представление пространства не заимствовано из опыта], то [понятие «пространство» не является эмпирическим понятием].

[Представление пространства не заимствовано из опыта]. Следовательно [понятие «пространство» не является эмпирическим понятием].

Если [представление пространства уже заранее дано в мышлении], то [становится возможным опыт].

[Представление пространства уже дано заранее (в мышлении)].

Следовательно [становится возможным опыт].

Из данной глубинной логической структуры СФЕ в поверхностной логической структуре его представлены не все формаль-

но-логические шаги, а лишь некоторые главные из них, а именно:

1. Тезис

$$\bar{f} \wedge \bar{t}$$

[Пространство не есть эмпирическое понятие] $\wedge$ [оно не заимствовано из опыта].

2. Аргумент

$$(p \wedge q) \rightarrow r$$

Если [ощущения чего-либо относятся к чему-то вне меня] $\wedge$ [я могу представлять их себе как находящиеся в различных местах пространства], то [представление пространства должно быть заранее дано в мышлении].

3. Вывод

$$\bar{f} \wedge \bar{t} \\ r \wedge \gamma$$

[Представление пространства не может быть заимствовано из опыта] и [оно не является эмпирическим понятием].

[Представление пространства уже заранее дано (в мышлении)] и [становится возможным опыт].

В поверхностной логической структуре СФЕ вывод, содержащийся в нем, не следует непосредственно из предыдущих посылок. Она лишь суммарно, в общем, как бы сжато передает основной результат глубинной логической структуры. Логические шаги, которые самоочевидны, в ней опускаются. Таким образом, поверхностная логическая структура СФЕ энтимемична. Степень энтимемичности СФЕ может быть различной в зависимости от формы речи, жанра и т. д. Жанр научной прозы и поджанр философской, в частности, текст Канта, характеризуется малой степенью энтимемичности по сравнению, скажем, с текстом художественного произведения, где эта степень будет гораздо больше. Даже в пределах одного жанра степень энтимемичности различных по композиции СФЕ будет различной. Как обстоит это дело в тексте «Критики...», могло бы послужить предметом отдельной статьи.

В настоящей статье были затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с анализом текста «Критики чистого разума». Проблема нуждается в дальнейшей разработке.

¹ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л., 1967, с. 5.

² Heinrich Heines Werke. In fünf Bänden. B. 5. Weimar, 1956, S. 111.

³ Fischer H. E. Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und sprachpsychologischer Grundlage. Berlin, 1907, S. 9.

⁴ Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973, с. 34,43 и др.

⁵ Heinrich Heines Werke. Ebenda, S. 111.

⁶ Immanuel Kant. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979.

⁷ Ebenda, S. 12.

⁸ Кант И. Воспоминания рецензента книги И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества». — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1980, Вып. 5, с. 114.

⁹ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981, с. 5.

¹⁰ Valentin Th. Einleitung zum Sachregister. In: Immanuel Kant. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979, S. 911.

¹¹ См.: Каменский З. А., Жучков В. А. Б. С. Чернышев и его лекции о философии Канта. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1980. Вып. 5, с. 119 и др.

¹² Дальнейшие примеры цитируются по изданию: Иммануил Кант. Соч. в 6-ти т. М., АН СССР, 1964, Т. 3.

¹³ Friedmann L. Zum Problem sprachlicher Einheiten höherer Ordnung. Deutsch als Fremdsprache. 5/1970, S. 328.

¹⁴ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967, с. 112.

¹⁵ Москальская О. А. Грамматика текста. М., 1981, с. 17.

¹⁶ Т—тема; Р—рема (под «ремой» в данной работе понимается часть высказывания (предложения), несущая новую информацию).

¹⁷ Термин заимствован у И. Р. Гальперина (см.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981).

¹⁸ Сильман Т. И. Указ. соч. Л., 1967, с. 38—39.

¹⁹ Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973, с. 41—42.

З. А. КАМЕНСКИЙ

НИКОЛАЙ СТАНКЕВИЧ И ИММАНУИЛ КАНТ

Недавно мы отмечали 200-летие выхода в свет одного из самых грандиозных философских сочинений, которое когда-либо было создано человеческим гением, — «Критики чистого разума» Иммануила Канта. Теоретическое содержание этого, как и всякого подлинно классического произведения, раскрывается перед нами не только постепенно, но и бесконечно.

Но помимо теоретического, существует и исторический аспект изучения философии Канта и главного его сочинения, изучение фактического воздействия идей «Критики чистого разума» на воззрения мыслителей, живших после Канта и притом, разумеется, не только на его родине, но и в других странах.

Вряд ли можно сказать, что мы уже близки к разрешению стоящих здесь историко-философских задач, особенно по отношению к частной проблеме этой темы — изучению влияния Канта в России.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на одном эпизоде русской философской мысли, связанном с воздействием на нее философии Канта и явившимся подготовительным для фор-